

ДИАЛОГИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ
И ДИАЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ ДОСТОЕВСКОГО

Предполагает ли бахтинская концепция диалога, что мир Достоевского нужно воспринимать как торжество относительности? Нужно ли, напротив, считать, что наличие определенной (или, по мнению некоторых исследователей, даже тенденциозной) позиции у ведущих героев и самого автора дезавуирует теорию диалога?

В ходе усвоения теории М. М. Бахтина диалог (и полифония – без четкого разграничения этих терминов) часто истолковывался как некое поле относительности, ценностной неопределенности,¹ как вариант децентрации.²

Соответственно, ключевой тезис критики полифонической концепции (или в более мягких вариантах – ее «коррекции») – в романах Достоевского «на самом деле» нет никакого равноправия голосов (ведь это, по мнению большинства исследователей, неминуемо приводит к релятивизму). «Первичный» автор в ро-

¹ См.: *Ветловская В. Е.* Поэтика романа «Братья Карамазовы». Л., 1977; *Лихачев Д. С.* Достоевский в поисках реального и достоверного // *Лихачев Д. С.* Избранные работы: В 3 т. Л., 1987. Т. 3. С. 268. Ссылки на мнения такого рода могут быть продолжены. Эта же идея распространяется на всю русскую литературу этого периода в работах: *Маркович В. М.* 1) О природе художественной истины в романах Герцена и Гончарова 1840-х годов // *Жанр и проблема диалога.* Махачкала, 1982. С. 49–65; 2) *И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века (30–50-е годы).* Л., 1982.

² *Делёз Ж.* Логика смысла. М.; Екатеринбург, 1998; *Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 9: Филология.* 1995. № 1. С. 97–124; *Жолковский А. К.* Блуждающие сны и другие работы. М., 1994.

манах Достоевского вполне монологичен (Б. О. Корман³) и даже тенденциозен (В. Е. Ветловская⁴), он четко противопоставляет мнимые истины и подлинные⁵ и вполне явственно реализует в тексте романа итог своего суда, пусть и не высказывая его в прямом слове, но вкладывая его в систему персонажей, в отбор материала, в сюжетную компрометацию (или подтверждение) и т. д.⁶ Относительность истины, таким образом, снимается (как можно увидеть, критика направлена скорее на расхожее понимание полифонии, чем на саму бахтинскую концепцию).

Сам М. М. Бахтин утверждает, что «полифонический подход не имеет ничего общего с релятивизмом». В мире Достоевского, моделирующем тотальную потерю метафизических гарантий, самую устойчивую и цельную позицию демонстрируют те герои, которые выполняют диалогическую программу: «твердо, дескать, стоит человек», — определяет Алешу Иван (14, 209).

Для того чтобы правильно понять сущность диалогического события, необходимо различать *диалогическую ситуацию* и *диалогическую позицию*.

Диалогическая ситуация — состояние мира, в котором оказались *и монологисты, и диалогисты*. Но в рамках этой ис-

³ Корман Б. О. Итоги и перспективы изучения проблемы автора // Страницы истории русской литературы. М., 1971. К этому тезису Б. О. Кормана присоединяется Н. Д. Тамарченко в работе: Тамарченко Н. Д. Поэтика Бахтина: уроки бахтинологии // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 1996. № 1. С. 7.

⁴ Ветловская В. Е. Поэтика романа «Братья Карамазовы».

⁵ Фастинг С. Иерархия «правд» как часть идейно-художественной структуры романа «Братья Карамазовы»: К вопросу о «полифоничности» романов Достоевского // Scando-Slavica. 1978. Vol. 24; Тороп П. Х. Симультианность и диалогизм в поэтике Достоевского // Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. № 17. С. 138–158 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; Вып. 641).

⁶ Корман Б. О. Итоги и перспективы...; Ветловская В. Е. Поэтика романа «Братья Карамазовы»; Свительский В. А. 1) Метод Достоевского и проблема авторской активности // Вопросы литературы и фольклора. Воронеж, 1969; 2) Проблема единства художественного мира и авторское начало в романе Достоевского // Проблема автора в художественной литературе. Ижевск, 1974. С. 77–192; Хоц А. Н. Пределы авторской оценочной активности в полифоническом «самосознании» героя Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1991. № 9. С. 22–38.

ходной – диалогической объективно – ситуации, когда человек оказывается перед Другим, возможно разное оформление позиции самого участника этого события. У Достоевского мы видим множество случаев неприятия героем и самой ситуации диалога, и Другого, его определяющей роли – при том, что объективно персонаж помещен именно в эту диалогическую ситуацию, вынужден существовать перед лицом Другого. И в этом случае как раз возможно двоение, «отказ от говорения последнего слова», «лазейки», пользуясь терминологией Бахтина. Мы видим это в целом ряде героев: от «человека из подполья» до Ивана Карамазова с его мыслью о невозможности любить ближнего, с одной стороны, и «нерешенным вопросом», с другой стороны.

В этом причины путаницы между диалогом и релятивизмом. Когда Бахтин говорит в отношении Достоевского о карнавальной «веселой относительности» или когда анализирует следы *диалогической ситуации* в слове человека *монологической позиции* (Голядкин, человек из подполья, Ставрогин и т.д.), поля относительности и диалога действительно пересекаются. Но это не исчерпывает феномена диалога, более того, не затрагивает его ядерную структуру.

Релятивизм и нигилизм не тождествен диалогу, напротив, в этом случае перед нами опыт разложения монолога в диалогической ситуации, опыт, определяющий сердцевину того, что происходит с мировой культурой последние два столетия. Можно привести иллюстрацию: «Вообще, – признается И. Бродский, –

в двадцатом веке – это как бы правило для всех, включая поэтов, – ты должен быть предельно ясен. Поэтому ты должен всё время перепроверять себя. Отчасти это происходит от постоянного подозрения, что где-то есть сардонический ум, даже сардонический ритм, который высмеет тебя и твои восторги. Поэтому ты должен перехитрить этот сардонический ритм. Для этого есть два-три способа. Первый – это отколоть шутку первым, тогда ты выдернешь ковер из-под этого сардоника.⁷

Под этой автохарактеристикой Бродского мог бы подписаться Иван Карамазов. Здесь перед нами монологическая позиция (в случае Бродского – ориентированная на лирическое начало) в диалогической ситуации (обратите внимание на ощущение

⁷ Интервью с Иосифом Бродским для «МН» / [Взял] Дмитрий Радышевский // Московские новости. 1995. 23–30 июля. С. 21.

чужого взгляда). Проявлены и все признаки невыполнения условий диалога: попытка опередить чужую оценку, желание осмеять свое серьезное, чтобы его не осмеял Другой, и т. д. Компрометация собственного серьезного – один из вариантов реализации принципов релятивистской стратегии: *не давать о себе гарантий и не устанавливать отношений с Другим*.

Диалогическая ситуация (ее можно также называть миром романного типа или – вслед за Морсоном и Эмерсон – прозаикой) – некое изначальное состояние мира, в которое вброшены *и монологисты, и диалогисты*.

Действительно, констатация этой ситуации – одно из художественных достижений Достоевского. Это основная причина интереса к Достоевскому в современной культуре, ощутившей себя брошенной в диалогическое состояние мира (рецепты поведения в этой ситуации, т. е. открытия Достоевского в отношении диалогической *позиции*, пока почти не востребованы).

Вот пример обращения к диалогической ситуации «по Достоевскому». А. К. Жолковский нередко в своих работах совершает специфическую постмодернистскую паранаучную процедуру: размещение автора-монолога внутри диалогической (романной) ситуации. Эту процедуру он осуществляет по отношению к авангардистской (хлебниковской) линии в русской поэзии и по отношению к Гоголю. В обоих случаях медиатором выступает Достоевский: авангардисты сравниваются с поэтами-графоманами у Достоевского, а операция с Гоголем обосновывается через посредство образа Фомы Опискина⁸ (Жолковский вспоминает также, что Мандельштам сравнивал Вяч. Иванова со Степаном Верховенским – у того, мол, тоже «минерал говорил в поэме»⁹). Во всех трех случаях (включая пример из Мандельштама) автор включается «в роман» для релятивизации.

Диалогическая ситуация не исчерпывает диалога – требуется также диалогическая позиция.

Первая составляющая этой позиции очерчена Бахтиным – та часть, которая связана с *диалогическим отношением к Другому*. Именно это прежде всего интересует Бахтина в

⁸ Жолковский А. К. Блуждающие сны... С. 54–86.

⁹ Там же. С. 216.

«Проблемах творчества Достоевского», поскольку он изучает отношение автора к герою. Новая «целостная позиция автора» у Достоевского по Бахтину – «это новая *форма* художественного видения человека»¹⁰ (выделено Бахтиным).

Модели, по которым строится позиция автора у Достоевского в аспекте диалогического отношения к Другому: провокативная (сократическая¹¹) и «искупительная» (строящаяся по модели «подражания Христу»): «новая художественная позиция автора по отношению к герою в полифоническом романе Достоевского – это *всерьез осуществленная и до конца проведенная диалогическая позиция* (выделено Бахтиным. – А. К.), которая утверждает самостоятельность, внутреннюю свободу, незавершенность и нерешенность героя».¹² Последние составляющие легко совмещаются с христологией Достоевского в том виде, в котором она представлена, например, в «Великом Инквизиторе».

Сократическая, майевтическая модель – еще один аспект диалога, связанный с карнавальной относительностью. Смысл сократической провокации именно в разрушении монологической незыблемости представлений о мире, в раскрытии иных возможностей, новых измерений реальности и духовного опыта, в обнаружении возможности стать другим, переродиться.

Это мир перманентного возрождения, нерасчленимый поток непрерывного становления (т. е., по существу, мир карнавала, как его понимал Бахтин). Именно здесь в силу вступает «веселая относительность» как залог победы самовозрождающейся жизни над остановкой и омертвлением. И именно эту ситуацию в «Философии поступка» (посвященной *позиции*) Бахтин называет «одержанием бытием».¹³

¹⁰ Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994. С. 264.

¹¹ Там же. С. 259, 247, 271.

¹² Там же. С. 270.

¹³ Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Работы 1920-х годов. Киев, 1994. С. 48. Параллель к этому можно найти у Бердяева, который пишет о Б. Поплавском: «Происходит дезориентация личности в “огненный водопад мирового бытия”. У Б. Поплавского есть некоторое сходство с Андреем Белым, от которого всегда можно было ждать измен, у которого была яркая индивидуальность с проблесками гениальности, но не было личности» (Звезда. 1993. № 7. С. 125). Категория «измены» отсылает к упомянутому нами стремлению не давать о себе гарантий.

Напомню, что такого рода майевтическая модель в «Проблемах поэтики Достоевского» связана с описанием позиции автора или, иначе говоря, диалогической позиции по отношению к Другому. Действительно, признание за Другим права на «новое рождение» – неустранимое условие диалога. За этим стоит признание права на самоопределение, т. е. свобода (если угодно, религиозная свобода).

Но ссылка на *собственное* право на новое рождение (т. е. откладывание «последнего слова о себе», «лазейка», по Бахтину, или готовность к «измене», по Бердяеву) не может определять диалогическую позицию человека *в отношении к себе самому*.

Диалогически ориентированный герой Достоевского не замыкается на незавершимой изнутри себя относительности, а ищет ценностной обеспеченности, ищет собственной целостности. Как говорит Макар Долгорукий в черновых материалах к «Подростку»:

Да ты образи себя прежде, да и каждое дело свое. Над тем потрудись; а то ты раскидался, собственного дела перед собой не видишь, чего хочешь, не знаешь, самого себя не замечаешь (или перестал замечать). <...> И в Содоме праведником можешь остаться, коли сам на себя умственным взором непрестанно глядеть будешь. Себя не покидай – это первое дело (16, 178).

Архитектоническая сущность диалогической позиции – в отличие от нормы диалогического отношения к Другому – в том, что человек проживает свою жизнь с точки зрения своего *смыслового целого*.

Диалогическая позиция предполагает устойчивость, гарантии человека о себе. Герой, устремленный к ценностной обустроенности, живущий в свете собственной заданной целостности, может быть объектом доверия без опасения «измены», как это называет Бердяев (это понятно даже исходя из обыденного здравого смысла: разумеется, исповедь перед человеком, который готов измениться и «заново родиться» в любую минуту, в результате чего его отношение ко мне может стать прямо противоположным, – такая исповедь проблематична; героям Достоевского иногда приходится идти на такое исповедание, но только в качестве первой диалогической инициативы или в качестве искупления за грех). Пример гарантий «на все времена» мы видим в диалоге Ивана и Алеши Карамазовых:

– Брат, – дрожащим голосом начал опять Алеша, – я сказал тебе это потому, что ты моему слову поверишь, я знаю это. Я тебе на всю жизнь это слово сказал: *не ты!* Слышишь, на всю жизнь. И это Бог положил мне на душу тебе это сказать, хотя бы ты с сего часа навсегда возненавидел меня... (15, 40)

Чтобы выполнять программу диалога, нужно занимать ответственную позицию, надо быть сыном своего отца, братом своего брата, учеником своего учителя, сыном своей страны – Алеша Карамазов относится (в отличие от Ивана) к своему отцу диалогически, поскольку он принимает на себя ответственность быть его сыном.¹⁴

Относительность здесь невозможна, так как человек включается в *отношения*¹⁵ (проблема выстраивания «отношений» во избежание «относительности» волновала многих представителей герменевтики и философии диалога – ср. понятие «традиция» у Гадамера¹⁶ или понятие «память нации» у Розенштока-Хюсси¹⁷).

Всё это имеет непосредственное отношение к вопросу о сущности диалогической позиции в произведениях Достоевского. Один из основных аргументов, которые выдвигаются против бахтинской концепции диалогического отношения автора к герою в произведениях Достоевского, – ссылка на то, что позиция автора в художественном мире названного писателя *вполне определена* (а может быть, даже тенденциозна),¹⁸ автор страстно оценивает своих героев. Но диалогическое отношение,

¹⁴ Ср. отношения Версилова и Аркадия в «Подростке»: «Теперь я вижу твой взгляд на мне и знаю, что на меня смотрит мой *сын*» (13, 373 – *курсив Достоевского*), тогда как вначале Аркадий говорил о «*будущем* отце моем» (13, 17 – кавычки Достоевского, курсив мой. – А. К.).

¹⁵ Ср. рассуждения Бахтина о «правде нашего взаимоотношения»: «Понять предмет – значит понять мое должностное отношение по отношению к нему (мою должную установку), понять его в отношении ко мне в единственном бытии-событии» (*Бахтин М. М. К философии поступка*. С. 23–24). Негативные последствия полицентризма, по Бахтину, возникают только в случае неучастия в отношении, в случае взгляда с точки зрения «какого-то третьего, неинкарнированного безучастного сознания» (Там же. С. 46).

¹⁶ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988; Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.

¹⁷ Розеншток-Хюсси О. Артикулированные периоды и координированная память // Дискурс. 1997. № 3/4.

¹⁸ См., напр.: *Ветловская В. Н.* Поэтика романа «Братья Карамазовы».

как мы показали на примере Алеши Карамазова, не требует отсутствия собственной позиции. Наоборот, только активное отношение (в том числе оценочное¹⁹) позволяет автору участно включаться в диалогическое событие. Без реальной ценностной заинтересованности (даже если она реализуется во враждебности) включиться внутрь события (вступить *в отношения*) невозможно. Монологизм и релятивизм, как правило, организуется именно отсутствием реальной заинтересованности. Монологист и релятивист – вне события, вне отношений. Это позиция, критически рассмотренная Зосимой:

Одно тут спасение себе: возьми себя и сделай себя же ответчиком за весь грех людской. Друг, да ведь это и вправду так, ибо чуть только сделаешь себя за всё и за всех ответчиком искренно, то тотчас же увидишь, что оно так и есть в самом деле и что ты-то и есть за всех и за вся виноват. А скидывая свою же лень и свое бессилие на людей, кончишь тем, что гордости сатанинской приобщись и на Бога возропщешь (14, 290).

В диалогическом мире Достоевского нельзя исключить себя из отношений, нельзя быть простым «Очевидцем» (как подписывался в газетах Иван Карамазов).

Напряженное оценивающее авторское отношение к герою (в том числе, если речь идет об отрицательной оценке) – одна из важнейших причин, в силу действия которых герой Достоевского ощущается как диалогически «присутствующий», вызывающий на ответ (Бахтин в «Авторе и герое» тоже связывает «борьбу» против чьей-то возможной позиции с «уплотнением до самостояния» этой позиции²⁰). Пусть это покажется парадоксом, позиция автора в романе «Бесы», несмотря на памфлетный тон этого произведения, не менее диалогична, чем в других полифонических романах Достоевского, потому что памфлетный тон не противоречит структуре диалогического события (здесь мы подходим к сложнейшей проблеме разных модусов диалогического отношения).

¹⁹ Главное, чтобы оценка автора не заглушала собственного голоса героя.

²⁰ Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Работы 1920-х годов. С. 114. В этом случае, правда, речь идет о борьбе против возможной авторской позиции. О подобном отношении к герою см.: Там же. С. 101 (в «Авторе и герое» Бахтин считает заинтересованное отношение неэстетическим).

Подчеркнем, что отношение в данном случае феноменологически понимается как модус существования (в направлении к Другому), а не как схематическая связь между субстанциями (что вновь поставило бы нас под дамоклов меч релятивизма).²¹ Этот тезис требует отдельного разъяснения, которое может подвести нас к методологической рефлексии осмысления диалога в современной науке.

Один из самых распространенных вариантов методологической адаптации бахтинской теории диалога – ее отождествление со схематическим целым в духе структурализма (П. Торор²²), религиозной метафизики (Е. Трофимов²³), позитивизма и т. д.

Сущность схематизма (согласно классическому определению Шеллинга, схема – это обозначение единичного через общее²⁴) заключается в следующем. Предмет научного изучения к моменту рассмотрения всегда уже оказывается обобщен разумом, всегда уже подготовлен к тому, чтобы соответствовать понятию. Именно поэтому, как известно, члены бахтинского кружка критиковали формалистскую и структуралистскую концепцию словесного произведения, в которой факт поэтического языка всегда уже заранее опознан в системе лингвистической науки (как фонема, лексема и т. д.).²⁵ Классическим в этой области можно считать описание метафизических презумпций европейской науки, сделанное М. Хайдеггером. По его мнению, категория объекта, основополагающая в европейской науке, не может считаться исходной, так как способ бытия сущего уже искажен в «объекте» предварительным «математическим наброском» научного усмотрения.²⁶ Такова сущность схематического рассмотрения: все явления подводятся к рассу-

²¹ См. подробный анализ этой проблемы: Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.

²² Торор П. Х. Симультанность и диалогизм. С. 138–158.

²³ См., напр.: Трофимов Е. О логистичности сюжета и образов в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский в конце XX века. М., 1996. С. 167–188.

²⁴ Шеллинг Ф. Философия искусства. М., 1966. § 39. С. 106.

²⁵ См., напр.: Медведев П. Н. Формальный метод в литературоведении. Л., 1928.

²⁶ Хайдеггер М. Бытие и время.

дочному, понятийному знаменателю – и после этого мы имеем дело со схематическим взаиморасположением «размеченных» разумом, понятийно обеспеченных атомов реальности (именно поэтому функции «первичного автора» в этой традиции сводятся лишь к отбору и расположению художественного материала).

Предлагаемая в этом случае модель художественной реальности имеет поле применения в истории литературы (классицизм, определенная доля художественного наследия Просвещения, творчество таких писателей, как, например, Чернышевский), но она, безусловно, не соответствует ни сентименталистской, ни реалистической, ни романтической модели.

Схематическое единство художественного произведения обретается в разуме – оно не событийно (поэтому здесь вообще нельзя говорить о диалоге). И самое важное: схема непосредственно имеет дело с общим, а не единичным, разум обязывает отвлекаться от конкретной человеческой единичности. Но именно с этой традицией европейского мышления – в философии (Гегель), в общественном сознании (социалисты), в науке («бернары») – всю жизнь боролся Достоевский.²⁷

Бахтин трактует диалог у Достоевского именно в этом ключе – с учетом событийного присутствия человека. По наблюдению Бахтина, эффект присутствия героя в произведениях Достоевского заставляет реально реагировать на его слово,

²⁷ Проблематика неотменимости и уникальности конкретной личности была достаточно актуальна во времена Достоевского. Ср. в письме В. Г. Белинского В. П. Боткину от 1 марта 1841 г.: «...если бы мне удалось влезть на верхнюю ступень лестницы развития, – я и там попросил бы вас отдать мне отчет во всех жертвах условий жизни и истории, во всех жертвах случайностей, суеверия, инквизиции Филиппа II и пр. и пр.; иначе я с верхней ступени бросаюсь вниз головою. Я не хочу счастья и даром, если не буду спокоен на счет каждого из моих братьев по крови <...>. Говорят, что дисгармония есть условие гармонии; может быть, это очень выгодно и усладительно для меломанов, но уж, конечно, не для тех, которым суждено выразить свою участь идею дисгармонии» (Белинский В. Г. Собр. соч. М., 1982. Т. 9. С. 443). Эти мысли возникли у Белинского на почве разочарования в гегелевской диалектике, в которой «субъект <...> не сам себе цель, но средство для мгновенного выражения общего, а это общее является у него в отношении к субъекту Молохом, ибо, пощеголяв в нем (в субъекте), бросает его как старые штаны» (Там же).

отвечать герою, как живому собеседнику.²⁸ Бахтин при этом как бы нарушает табу теоретического мышления, наложенное еще Кантом. Критикуя онтологическое доказательство Бога, Кант утверждает: «...если я мыслю вещь, посредством каких угодно предикатов и какого угодно количества их <...>, то от прибавления, что эта вещь *существует*, к ней ничего не присоединится».²⁹ Именно эту «прибавку» реальности пытается уловить Бахтин, последовательно осуществляя «радикальную конкретизацию»³⁰ предмета научного рассмотрения и самого хронотопа исследования.

К собственно смысловому «диалогу», отвлекающемуся от конкретности человеческого существования («диалогу культур», диалогу текстов), Бахтин обращается в последние годы своей жизни, но при этом достаточно определенно оговаривает свое отношение к нему:

Отношение автора к различным явлениям литературы и культуры носит диалогический характер <...>. Но эти диалогические отношения входят в особую *смысловую* сферу, выходящую за рамки нашего чистого хронотопического рассмотрения.³¹

Живой межчеловеческий диалог должен быть увиден в модусе радикальной конкретизации (т. е. требует «хронотопического рассмотрения»). Современные критики и сторонники теории диалога нередко сводят ее только к этому диалогу текстов или культур, т. е. малому ее сектору, носящему скорее характер уступки, нарушающему основополагающие принципы теории Бахтина.

²⁸ Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. С. 207–208. Ср. также: «...автор <...> говорит не о герое, а с героем» (Там же. С. 207 – *выделено Бахтиным*). «Слово автора о герое организовано в романах Достоевского как слово о присутствующем, слышащем его (автора) и могущем ему ответить» (Там же – *выделено Бахтиным*).

²⁹ Кант И. Критика чистого разума / Пер. Н. О. Лосского. СПб., 1993. С. 355. Бахтин в работе «К философии поступка» упоминает кантовский пример о реальных и мыслимых пфенигах...

³⁰ Выражение В. Л. Махлина, см.: Махлин В. Л. Бахтин и Запад (опыт обзорной ориентации) // Вопросы философии. 1993. № 1. С. 108.

³¹ Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 404. Процитированный отрывок – из позднейших (1970-е) заключительных замечаний к «Формам времени и хронотопа».

Присутствие обеспечивает неотменимость, единственность, конкретную уникальность участника диалогического события. В случае если присутствие человека несущественно для смысла слова, мы имеем дело со схематизмом. С учетом сказанного отождествление полифонии и децентрации можно считать серьезной ошибкой, так как постструктурализм не имеет дела с человеческой реальностью (и даже прямо критикует ее³²). Постструктурализм – это оборотная сторона схематизма; несмотря на формальную полицентричность, он продолжает традиции «теоретического антигуманизма», сформированного в рамках монологического мышления.

Суть диалогической позиции, конечно, вовсе не в самоуничтожительном отказе от собственной позиции, как это сегодня нередко понимается, а в том, что выражаемая мной идея *моя*, в том, что эта идея высказана с *человеческой* позиции; целая глава «Проблем творчества Достоевского» посвящена у Бахтина противопоставлению личностной идеи и идеи «*ничьей*», т. е. высказанной из сферы безличного разума, с нечеловеческой позиции. Ср. у Достоевского в речах Разумихина:

Ну, верите ли: полной безличности требуют и в этом самый смак находят! Как бы только самим собой не быть, как бы всего менее на себя походить! Это-то у них самым высочайшим прогрессом и считается. И хоть бы ввали-то они по-своему, а то... <...> Ты мне ври, да ври по-своему, и я тебя тогда поцелую. Соврать по-своему – ведь это почти лучше, чем правда по одному по-чужому; в первом случае ты человек, а во втором ты только что птица! Правда не уйдет, а жизнь-то заколотить можно; примеры были (6, 155).

Если идея оформлена как «*ничья*» – перед нами мир монолога. Т. е. монологист – это не столько тот, кто не признает других позиций помимо своей (хотя это может быть сопутствующим признаком), скорее это тот, позиция которого перестала быть существенно *своей*. Монологизм – это одержимость.

И вновь мы подходим к тезису, что релятивизм связан не с диалогом, а с монологом, так как и монолог, и мир относительности архитектурно организованы посредством нечеловеческой «*ничьей*» позиции, только в первом случае для этого имеется трансцендентальное обоснование («трансцендентальное алиби»), а во втором это обоснование утрачено; или, в

³² См. прежде всего: *Derrida J. De la grammatologie*. Paris, 1967.

другой системе, в первом случае субъект субстанционален и вписан в единство разума, во втором – нет.³³ Релятивистская неустойчивость и подвижность – результат потери метафизического основания, т. е. результат разложения монолога.

³³ О связи монологизма и релятивизма см.: *Махлин В. Л.* 1) Бахтин и Запад... С. 110–111; 2) Наследие М. М. Бахтина в контексте западного постмодернизма // М. М. Бахтин как философ. М., 1992. С. 207–208. Спорной остается лишь трактовка функции «третьей точки зрения» у В. Л. Махлина (Там же. С. 208). Ср. также комментарий С. Г. Бочарова и С. С. Аверинцева к работе «К философии поступка»: «иллюзия абсолютной и довлеющей себе этики <...> оказывается неиссякающим источником нравственного нигилизма», см.: *Бахтин М. М.* Работы 1920-х годов. С. 323.